

Фидарова Рима Японовна, Кайтова Ирина Анатольевна

ХАРАКТЕР И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ Г. БИЦОЕВА "ЗЕРКАЛО НЕБА"

Статья раскрывает, как в осетинской прозе 70-80-х годов XX века происходят сложные, порой даже противоречивые процессы, которые вызывают значительные изменения и трансформации в традиционных эпических жанрах, появление новых жанровых форм со своими структурными, стилевыми и повествовательными особенностями. Цель исследования - показать, что роман, как и осетинская проза в целом, формируя концепцию человека, исходит прежде всего из социально-исторических связей и нравственно-этических представлений общества о человеке конкретной эпохи. Осетинская проза и, в частности, роман Г. Бицоева, убедительно доказала, что возможности духовного проявления человека безграничны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-1/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 182-184. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Арнаутов М. Психология литературного творчества: монография / пер. с болг. Д. Д. Николаева. М.: Прогресс, 1970. 654 с.
2. Бештоков Х. К. Ракетодомы (на каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1969. 99 с.
3. Бицув А. М. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1997. 184 с.
4. Глазунова О. Иосиф Бродский: Американский дневник. СПб.: Нестор-История, 2005. 374 с.
5. Нигматуллина Ю. Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. 212 с.
6. Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: Наука, 1985. 328 с.
7. Роднянская И. Назад – к Орфею! // Новый мир. 1988. № 3. С. 234-254.
8. Славецкий В. Вектор эксперимента. О «новой» поэзии // Литературное обозрение. 1989. № 7. С. 31-36.
9. Солженицын А. Иосиф Бродский. Избранные стихи. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1999. № 12. С. 180-193.
10. Тимижев Х. Т., Тхагазитов Ю. М. Адыгский роман: эволюция жанра и художественно-эстетические особенности. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 168 с.
11. Фрэнгер Д. Д. Золотая ветвь / пер. с англ. М.: Политиздат, 1984. 704 с.
12. Хавжокова Л. Б. Творчество Бориса Гедгафова: духовно-философская и нравственно-эстетическая основа поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. 1. С. 203-205.
13. Эпштейн М. Русская культура на распутье. Секуляризация и переход от двоичной модели к троичной // Звезда. 1999. С. 155-176.

DIVERSIFICATION PROCESSES IN THE KABARDINIAN POETRY OF THE POST-SOVIET PERIOD

Timizhev Khamisha Tarkanovich, Doctor in Philology

Institute for the Humanities Research of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Khezheva Lena Khabilovna, Ph. D. in Philology

*Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
lyudmila-havzhokova.86@mail.ru*

The article aims to identify ethical and esthetic dominants in the evolution of the Kabardinian poetry of the post-Soviet period. The paper focuses on the problem of diversification of the value system forming in the specific ethno-poetical area in the context of the all-Russian cultural and historical space. The author also examines the role of a striking creative personality in the evolution of the national artistic consciousness.

Key words and phrases: literary process; Kabardinian poetry; ontological aspect; artistic reflection; esthetic and informational universals; traditionalism; individual; evolution.

УДК 82-31; 821.221.18

Филологические науки

Статья раскрывает, как в осетинской прозе 70-80-х годов XX века происходят сложные, порой даже противоречивые процессы, которые вызывают значительные изменения и трансформации в традиционных эпических жанрах, появление новых жанровых форм со своими структурными, стилевыми и повествовательными особенностями. Цель исследования – показать, что роман, как и осетинская проза в целом, формируя концепцию человека, исходит прежде всего из социально-исторических связей и нравственно-эстетических представлений общества о человеке конкретной эпохи. Осетинская проза и, в частности, роман Г. Бицоева, убедительно доказала, что возможности духовного проявления человека безграничны.

Ключевые слова и фразы: герой; личность; характер; художественное изображение; эпический жанр; обстоятельства.

Фидарова Рима Японовна, д. филол. н., профессор

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева
Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия – Алания*

Кайтова Ирина Анатольевна, к. филол. н.

*Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова
irinakaytova@mail.ru*

ХАРАКТЕР И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ Г. БИЦОЕВА «ЗЕРКАЛО НЕБА»©

...Концепция человека, которую создает писатель, внутренне масштабна и философски многозначна.

Раскрывая характеры героев в конкретных, очень сложных, полных драматизма военной действительности обстоятельствах, писатель поднимает значительные нравственно-этические проблемы.

В годы Великой Отечественной войны, когда немецкие фашисты вступили на осетинскую землю, небольшая группа чабанов, состоящая в основном из стариков, возглавляемая только что вернувшимся с фронта по случаю

тяжелого ранения Сабаном, получила задание угнать колхозное стадо через горное ущелье в Грузию. Задание оказалось не из легких. «При его выполнении от каждого потребовалась огромная сила воли и мужество. Более того, создалась такая критическая ситуация, когда каждый из чабанов должен был сделать свой нравственный выбор; выбор, к которому практически готовился всю жизнь» [1, с. 43]. И выбор, сделанный каждым из них, оказался тем пробным камнем, который раскрыл полностью их нравственную сущность и ориентации.

Писатель, показывая, как каждый из героев пытается утвердить свою собственную жизненную концепцию, стремится раскрыть сложную многогранность человеческого мира. При столкновении доброго и злого начал добро обязательно победит, поскольку оно – истинное, изначально человеческое качество. И нормальное состояние человеческой души – потребность творить добро, умножать и ценить его, бороться за него, утверждать его позиции любой ценой, даже ценой собственной жизни – таков вывод, к которому приходит писатель.

Трое мужчин: Сабан, Зарабег, Гацыр и единственная женщина, волею ситуации оказавшаяся с чабанами, Ануси, – делают все, чтобы полностью реализовать свои духовные, нравственные силы, и в столь тяжелых обстоятельствах не перестать быть человеком, не истребить самому и не дать другим истребить в себе человечность.

Писатель пытается исследовать истоки человеческого характера, понять, что такое человек, каков он среди людей и перед лицом своего человеческого долга. Пытаясь ответить на этот вопрос, автор романа формирует свою концепцию человека. Поднимая важные философские проблемы человеческого бытия, исследует, чем и во имя чего он живет, какие ценности утверждает в жизни. И это не случайно. Сама человеческая жизнь мыслится Г. Бицоевым не только как физическое бытие в пространстве и во времени, а как активное жизнеутверждающее деяние. Совсем недавно вернулся Сабан в село, недолгой оказалась его фронтальная дорога: вскоре стал инвалидом. Не раздумывая, согласился идти с чабанами. Но, испытывая страшные невзгоды с чабанами, он все же задумывается серьезно о нелегкой доле председателя колхоза хромого Джери: «как тяжело ему, должно быть, сейчас в селе, ведь ему постоянно приходится слышать безутешный плач вдов, видеть недетское отчаяние и слезы на глазах сирот, – какое сердце надо иметь, чтобы перенести это?» [Там же, с. 79].

Писатель как бы ищет и находит нравственную формулу человеческого бытия: каждый на своем конкретном месте и всегда должен оставаться человеком, самоотверженно выполнять свой человеческий долг, долг перед собственной совестью.

Сабан терзается сомнениями, правильно ли он поступил, согласившись идти с чабанами: если в такой тяжелой дороге может ходить за стадом, неужели бы в селе не пригодился. И ему становится стыдно: «выходит, легкой доли искал, о себе заботился?» [Там же, с. 53].

Здесь герой явно не прав, забота об окружающих, как правило, оттесняет на второй план все его думы о себе. Какое, скажем, заинтересованное участие он проявляет в судьбе Зарабега. В результате несчастного случая в горах семья Зарабега трагически погибла... Но Зарабег не пал духом, он продолжал жить и трудиться.

Писатель обогащает свою этическую программу глубокой философской мыслью: труд не только источник материальных благ, но и целитель душевных травм, т.е. поистине источник жизни. Автор акцентирует нравственно-этические функции человеческой деятельности как необходимой формы его существования, его физического и духовного бытия.

Отсюда следует другая, не менее значимая в жизни человека мысль: если главная ценность человеческой личности – ее беззаветное отношение к труду как одной из основных его обязанностей на Земле, то как же надо его оценивать, с какой нравственной меркой к нему подходить?

Не менее важной является мысль о том, что человеку необходима нравственная опора, «точка заземления»: ведь человек гол и сиротлив, если нет на земле людей, его искренне любящих. «Человек на земле рождается для счастья: жизнь – ведь не только источник всевозможных бед, но и источник радости, умножающий его внутренние, душевные силы» [Там же, с. 141], – уверен писатель.

Умение радоваться жизни, которая сама по себе – величайшее благо и ни с чем не сравнимая ценность – признак нравственного, духовного здоровья человека и социального благополучия в человеческом обществе, его этический идеал, в конечном итоге, и смысл всей человеческой истории, прогресса. На такие мысли наталкивает непритворная, поистине братская забота Сабана о Зарабеге, судьба которого складывается столь трагически.

Своеобразно раскрыта в романе и философия труженика, творца материальных благ. Бедза, один из чабанов, раздумывая, что же заставило немцев оставить свои дома и идти грабить чужие, совершенно искренне думает: «немцам, наверное, чего-то не хватало, иначе как можно, имея кусок хлеба, зариться на чужой!» [Там же, с. 131].

Психологию Бедза писатель пытается раскрыть как типичное, естественное для труженика явление, явление социального порядка.

Бедза смотрит на мир глазами трудящегося человека. А с точки зрения автора романа, ничего нет вернее дум труженика. «Бедза же искренне удивляется: как может физически здоровый человек хотя бы на миг прожить без забот, как может он обмануть проросшую траву? Что может быть для него интереснее момента, когда прорастает зерно, как этому можно не радоваться? Как можно спокойно заснуть, если эта молодая поросль нуждается в твоей, человеческой помощи и участии? Почему не обогреть ее своим теплым дыханием?» [Там же, с. 179].

Из жизненной позиции и нравственной установки Бедза следует и его уверенность в том, что труженику на земле не должен никто мешать, он заслужил покой и уважение. Не понимая, насколько идеологии фашизма противна и мораль, и философия трудящегося, его осмысленное отношение к жизни, он наивно полагает, что немцы, убедившись, какой он хороший и верный земле труженик, не тронут его вовсе. Но постепенно Бедза начинает «прозревать», задумывается: а люди ли вообще эти фашисты, если столько горя и слез

принесли на чужую землю; всюду, в любом самом маленьком горном селении, куда ступала нога чабанов, пестрели свежие могилы с траурными флагами, могилы солдат, не вернувшихся с поля брани.

...Писатель стремится вплотную соотнести человека и время, с его точки зрения, каждый из героев настолько «вписан» в свое время, в поток его нравственных исканий, что личной судьбой становится судьба народа, времени, среды. И это – главная закономерность человеческого бытия.

Человек перед человеком всегда в долгу, размышляет Сабан. Много испытаний человек одолеет, если рядом есть другой, сочувствующий его боли, живущий его страданием. Что удерживает тут, рядом с отарой, чабанов, что, какая сила сплачивает их и обнадеживает, когда, кажется, все кончено: задание не выполнено, отара в руках фашистов?

Дело в том, приходит к выводу герой, что никто не хочет стать предателем. И еще очень важный момент. Трое мужчин и одна женщина, оказавшись в плену, оторвались от своего реального, привычного мира и сами стали как бы самостоятельным миром, в котором живут по своим человеческим нормам, противопоставив их волчьей морали Борнафа и Дзамата. Если рядом настоящий друг, человек и на пороге могилы будет надеяться: а вдруг счастье улыбнется его другу, и это счастье одного станет их общим счастьем.

Эта мысль чабанов и обнадеживает, удерживает здесь, помогает им не сдаваться. Может быть, размышляет Сабан, познать эту великую истину, правду о человеке – и есть главный смысл человеческой жизни. И еще: привлекательность жизни, непостижимая до конца, ее «аромат», наверное, в том, что человек не знает, не ведает, какие огромные духовные богатства заложены в нем. Одно из них – это мужество.

Размышлениям героя близки и мысли Ануси. Пытаясь разобраться, дать себе отчет в том, что же ее привлекает в Сабане, она приходит к выводу, что есть люди, которые только тем и живут, что облегчают жизнь другим. И таким человеком, с ее точки зрения, является Сабан: мужественным, гуманным, человеком долга, прежде всего, ну и, конечно, безоглядно добрым, оптимистически настроенным, верующим в лучшее человеческое предназначение, чем участие в войне, в вынужденном истреблении себе подобных...

В трактовке писателя добро и зло не абстрактны – они проявляются в способе поведения героя, в конкретных поступках и мироощущении.

Акцентируя внимание на духовных ценностях отдельной личности, на людских взаимоотношениях, обычаях, традициях, роман «Небесное зеркало» использует их в процессе своего художественного исследования как средство познания национального духа и характера, как компоненты горского национального бытия.

В данном случае и в трактовке героического полно реализуется связь красоты и добра.

Не будь героическое столь прекрасным, призванным отстоять доброе начало в жизни, оно стало бы бессмысленным, возможно, даже и безобразным, не вызывало бы чувства восхищения.

Автор пытается высветить духовные стимулы, мотивы, побуждающие героев к подвигу, анализирует цели, исследует героические и нравственные потенции героев, т.е. героическое исследуется в многообразии его реальных проявлений: в мужественном исполнении долга, в преодолении трудных обстоятельств, в наивысшем проявлении человеческих возможностей и достоинств, в принятии ответственных решений.

Героическое, как бы утверждает писатель своей концепцией человека, – норма поведения человека, нравственно и духовно здорового, в военных, т.е. исключительных, обстоятельствах.

Автор оценивает героическое как высший критерий содержательности характера.

Диалектика же национального и общечеловеческого здесь представлена очень зримо: писатель исследует национальные особенности характера только в контексте общего, и в этом проявились глубинные, значительные связи общего и индивидуального, объективного и субъективного в художественном характере.

Список литературы

1. **Бицоев Г.** Небесное зеркало: повести и рассказы / пер. с осет. Р. Тотрова. Орджоникидзе: Ир, 1987. 413 с.
2. **Фидарова Р. Я.** Осетинский роман XX века. Проблемы истории и теории: монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. 304 с.
3. **Фидарова Р. Я., Кайтова И. А.** Особенности художественного характера в осетинском романе-мифе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35). Ч. 1. С. 182-184.

NATURE AND CIRCUMSTANCES IN G. BITSOEV'S NOVEL "MIRROR OF THE SKY"

Fidarova Rima Yaponovna, Doctor in Philology, Professor

V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania

Kaitova Irina Anatol'evna, Ph. D. in Philology

*North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
irinakaytova@mail.ru*

The article reveals how in the Ossetian prose of the 70-80s of the XX century the complex, sometimes contradictory processes occurred that cause significant changes and transformations in the traditional epic genres, and the appearance of new genre forms with their structural, stylistic and narrative features. The purpose of the study is to show that the novel, as well as the Ossetian prose in general, forming the human conception, comes primarily from the social and historical relations and the moral and ethical notions of the society about a man of the specific era. The Ossetian prose and, in particular, the novel of G. Bitsoev convincingly proved that the possibility of a human spiritual manifestation is endless.

Key words and phrases: character; personality; nature; artistic image; epic genre; circumstances.